
ИНВАЛИДНОСТЬ, МАСКУЛИННОСТЬ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ В ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ

Сара Филлипс

Статья посвящена изучению взаимодействия инвалидности, маскулинности и сексуальности в постсоциалистическом обществе на основе этнографических полевых исследований на Украине. Результаты подтверждают сделанные другими исследователями выводы о том, что опыт инвалидности может дать мужчинам неожиданные возможности по изменению традиционных ограничительных гендерных ожиданий в отношении представлений о себе как о мужчинах, рабочих и сексуальных субъектах. Это относится также и к обществам, которые характеризуются строгими гендерными полоролевыми стереотипами, патриархатным подходом и традиционным отношением к телу (например, современная Украина). Однако эти процессы «игр с мужественностью» протекают неравномерно и могут включать в себя одновременно как зависимость, так и отказ от традиционной мужественности в конкретном контексте.

Ключевые слова: инвалидность, маскулинность, сексуальность, гендер, мужчины, Украина

Отредактированные полевые заметки

9 мая 2005 года. Киев, Украина. Сегодня был День Победы, ознаменовавший шестидесятую годовщину победы Советского Союза над нацистской Германией во Второй мировой войне. Мой друг Дмитрий пригласил меня посмотреть парад Победы вместе с ним и членами молодежного клуба инвалидов, которым он руководил последние несколько лет¹. Я увидела ожидавшего меня Дмитрия, когда вышла из метро на мелкий морозящий

---

¹ В этом проекте для ключевых информантов я использую псевдонимы – Дмитрий и Антон. Для Дмитрия и Антона родным языком, на котором они говорят, является русский.

дождь и пошла к назначенному нами месту встречи перед центральным почтовым отделением. При встрече мы обменялись обычными дружескими поцелуями в щеку, а потом спрятались под моим зонтиком и болтали в ожидании остальных. Пожилой мужчина на костылях (возможно, ветеран Второй мировой войны) подошел к нам, посмотрел на Дмитрия и его инвалидную коляску, потом на меня и сказал: «Вы настоящая женщина». Он пожелал нам здоровья и счастья и сказал Дмитрию, чтобы он ценил и не отпускал меня. Мы оба старались не засмеяться – мужчина, несомненно, признал в нас с Дмитрием «семейную пару», и мы были этим несколько смущены (я замужем, а у Дмитрия есть постоянная подруга).

Хотя мы и отнеслись к этой ситуации спокойно и даже начали говорить о чем-то другом после того, как мужчина ушел, атмосфера вдруг изменилась. Я думаю, Дмитрий понял слова мужчины следующим образом: «Тебе действительно повезло, что у тебя, инвалида, есть женщина, которая заботится о тебе»¹. Я также чувствовала, что меня, как воображаемую подругу Дмитрия, хвалили за мое предполагаемое самопожертвование в уходе за человеком с особенными потребностями. В один момент Дмитрия, 38-летнего спортсмена, самостоятельного человека, директора неправительственной организации (НПО) заставили играть роль маргинала, зависимого человека с ограниченными возможностями. Дмитрий и я никогда не вспоминали об этом инциденте, но он заставил меня обратить внимание на то, как индивидуальный опыт инвалидности на Украине и других постсоциалистических странах пересекается с формированием гендера, маскулинности, феминности и сексуальности, то есть вопросами, которые мало изучены в постсоветском контексте.

Этнографические исследования травмы позвоночника в аспектах маскулинности и сексуальности

В данной статье я стараюсь понять, как наличие инвалидности влияет на способность мужчин-инвалидов выполнять гендерные роли в современной постсоциалистической Украине, находящейся в состоянии постоянных изменений. Хотя украинские женщины и были в центре внимания последних исследований по изучению трансформаций постсоциалистических гендерных режимов, женских ролей в новой политической экономике и женских движений, все же в научной литературе достаточно мало внимания

---

¹ На Украине и в России, как правило, в отношении людей с ограниченными возможностями используется слово «инвалиды». Некоторые активисты из правозащитных организаций выступают за то, чтобы использовались украинские термины «неповносправний» (неполноправный) или «люди з особливими потребами» (люди с особыми потребностями). Этот язык постепенно прокладывает себе путь в законодательство, официальные обсуждения инвалидности, а также в средства массовой информации.

уделяется изменениям мужских ролей и обсуждению маскулинности [См., например: Hrycak, 2005; Pavlychko, 1996; Phillips, 2008; Rubchak, 1996].

Изучение гендерных аспектов инвалидности встречается еще реже, хотя некоторые исследования по инвалидности и гендеру были проведены в России [См., например, Ярская-Смирнова, 2002а; Ярская-Смирнова, 2002b; Индолев, 2001. С. 110–146]. Изначально анализируя проблемы пересечения инвалидности, гендера и сексуальности на Украине, я начала задавать вопросы, аналогичные тем, которые ставил перед собой Томас Гершик, о том как «как стигматизация и маргинализация, с которой сталкиваются женщины и мужчины [с особыми потребностями], вносят вклад в создание альтернативных гендерных идентичностей» [Gerschick, 2000. P. 126]. Я рассматриваю данные теоретические вопросы через призму этнографической перспективы, позволяющей привнести теоретический анализ в повседневную жизнь людей, опыт которых, таким образом, может дать ценную информацию для проникновения в проблему инвалидности и маскулинности. Как отметил Рассел Шаттлворт, существует насущная необходимость перехода от абстрактного уровня анализа к более насыщенным перспективам, которые могут адекватно исследовать то, как «перформанс гендера происходит в социокультурном контексте» и возникает из «воплощенных практик [и] межличностных обсуждений» [Shuttleworth, 2004. P. 169]. Для этого необходимо больше исследований, использующих методы долговременного включенного наблюдения и интервью на основе доверительных отношений между исследователем и информантами.

В этой статье мне хотелось бы проиллюстрировать преимущества качественного исследовательского подхода, предполагающего подробный анализ жизненных историй мужчин-инвалидов, проживающих в Киеве, столице Украины с населением в 2,7 млн человек¹. Истории этих людей подтверждают тезис Шаттлворта о том, что опыт инвалидности может позволить мужчинам расширить репертуар маскулинности и избавиться от некоторых ограничений гегемонной маскулинности. Исследования инвалидности, маскулинности и сексуальности в разных культурах² все больше показывают, что опыт инвалидности может предоставить мужчинам возможность отбросить традиционно ограничительные гендерные ожидания и внести неожиданные изменения в собственное самоощущение

¹ Я исследовала вопросы инвалидности на Украине с 2002 года. Эта работа включала наблюдение за деятельностью правозащитных организаций, проведение 90 расширенных интервью с активистами, юристами, учеными и государственными чиновниками; обследование 85 человек с ограниченными возможностями; сбор печатных и аудиовизуальных материалов.

² См., например: Shuttleworth, 2004 о мужчинах с церебральным параличом в Соединенных Штатах; Smith & Sparkes, 1999, 2002 о мужчинах, которые получили травмы во время игр в регби в Великобритании; Iarskaia-Smirnova, 2001 и Ярская-Смирнова, 2002а, 2002b в отношении обсуждения опыта российских мужчин с ограниченными возможностями.

как мужчин, работников и субъектов сексуальности, которые могут способствовать повышению статуса. Однако данное исследование также показывает, что такие процессы являются неравномерными и могут полагаться на модели гегемонной маскулинности и одновременно отвергать ее в зависимости от контекста.

Этнографический материал, собранный на Украине и представленный в данной работе, показывает, что расширение репертуара маскулинности также возможно и в постсоветском обществе, где гендерные нормы и представления об инвалидности по-прежнему сильно подпитываются информацией из жестких гендерных стереотипов, патриархальных взглядов, жестких представлений о «культурах тела» [Brownell, 1995] и институциональных структур власти советского режима. Сопоставляя себя со стандартами гегемонной маскулинности в определенных ситуациях или в отдельных аспектах своей жизни, но подрывая эти идеалы в других ситуациях, некоторым мужчинам-инвалидам в постсоциалистической Украине удалось изменить, пересмотреть, переопределить и переосмыслить себя и то, что означает быть «настоящим мужчиной» (и гражданином) в этом быстро меняющемся обществе. Эти обсуждения во многом связаны с политическими и экономическими преобразованиями, которые охватили страну в течение последних полутора десятилетий, что делает постсоветские государства, такие как Украина, особенно плодородной почвой для исследования того, как опыт инвалидности пересекается с большими политическими и общественными силами в формировании идентичности. Подобное исследование, соответственно, может послужить кейс-стади в изучении социальных изменений и инвалидности после падения государственного социализма, для того чтобы лучше понять, как мужчины, которых государство и другие граждане классифицировали в качестве «инвалидов», создают для себя новые идентичности и завоевывают большее пространство, делая его более творческим для людей с ограниченными возможностями в постсоветском обществе.

В мое исследование были вовлечены преимущественно люди в инвалидных колясках и с ограниченной мобильностью¹. Сообщество «спинальников» (людей с повреждением позвоночника) является особенно подходящей площадкой для отслеживания пересечений инвалидности и маскулинности, поскольку на Украине людей с особыми потребностями в результате травм позвоночника и боевых ранений (например, ветераны

---

¹ В течение последнего десятилетия этих людей стали называть (и они сами себя называют также) общей категорией «колясочники» (русскоязычный вариант; украиноязычный вариант – «візочники») или «спинальники» (разговорный украинский и русский термин, используемый для обозначения тех, у кого поврежден позвоночник). Люди с туберкулезом позвоночника, спинным менингитом, спинной грыжей, спинным кровоизлиянием, ревматоидным артритом также могут быть включены в эти категории [Индолев, 2001. С. 11–25].

советско-афганской войны) больше среди мужчин, чем женщин¹. Большинство признанных на национальном уровне «спинальников» – мужчины (за исключением Светланы Трифоновой, известной и любимой параолимпийской спортсменки), и в массовых представлениях травма позвоночника, использование инвалидного кресла и общая категория «спинальники» связываются чаще всего с мужчинами, а не с женщинами. Такая динамика подтверждает утверждение Гершика о том, что «у мужчин с ограниченными физическими возможностями привилегии [которые дает] маскулинный гендер, сталкиваются со стигматизированным статусом наличия инвалидности, что влечет за собой статусные несоответствия, поскольку инвалидность подрывает многие, но не все, маскулинные привилегии» [Gerschick, 2000. P. 125]. Проведенные мною биографические интервью показали, что когда маскулинные привилегии размываются в результате стигмы инвалидности, мужчины на Украине стремятся не столько восстановить эту привилегию, сколько создать новые траектории быть мужчинами вопреки влиянию существующих стереотипов о мужчинах с особыми потребностями. В зависимости от обстоятельств жизни того или иного мужчины со временем это может повлечь за собой стремление принять «гипермаскулинные» качества в некоторых сферах жизни, но с той же частотой это включает в себя отказ от преобладающих воззрений на маскулинность и переосмысление своих собственных возможностей «быть мужчиной».

«Как там "disabled people"»? Личные мужские нарративы инвалидности, маскулинности и сексуальности

Исследование, представленное в данной статье, основывается на биографических интервью и разговорах с двумя известными членами сообщества «спинальников» в Киеве: Дмитрием и Антоном. Я знакома с Дмитрием с 2002 года, Антона встретила впервые в 2005 году. Я записала около 20 часов интервью с Дмитрием и провела намного больше часов с ним в разговорах один на один, в групповых беседах и на разного рода мероприятиях. В 2005 году я записала четырехчасовое биографическое интервью с Антоном, затем брала у него интервью по телефону в течение еще нескольких

¹ Это особенно верно для НПО, ориентированных на взрослых инвалидов и уделяющих внимание вопросам физической реабилитации и спорта. В выборке из 43 НПО, классифицируемых как «Союз инвалидов», представленных в брошюре о киевских организациях [Сидоренко, 2001. С. 440], руководящие должности занимали почти поровну мужчины и женщины. Тем не менее женщины, как правило, возглавляли более мелкие организации, обслуживающие детей-инвалидов, а также организации, фокусирующиеся на предоставлении услуг по уходу, благотворительности, искусству и духовности. Мужчины, с другой стороны, возглавляют более мощные организации (Всеукраинские объединения, в отличие от меньших по масштабу региональных или городских организаций), а также более престижные, например, реабилитационные, спортивные, по делам ветеранов, прав человека, бизнес-организации.

часов, а также имела возможность длительно, неофициально общаться с ним индивидуально. Завершающий этап исследования состоялся при участии обоих мужчин осенью 2006 года.

В своих интервью и беседах с этими мужчинами я не фокусировалась специально на конкретных вопросах о связи маскулинности и инвалидности, но эти вопросы иногда возникали в ходе нашего разговора. Дмитрий и Антон знали, что я интересовалась широким кругом вопросов, касающихся инвалидности, в том числе – вопросами гендера, маскулинности и сексуальности, но я не настаивала на этих темах, пока они сами не затрагивали их или казались более открытыми для такого рода обсуждения. Культурные табу, окружающие секс и его обсуждение в бывшем Советском Союзе, подтверждают значимость долгосрочного этнографического исследования и создания доверительных отношений между исследователем и информантом в целях проведения надлежащего исследования в отношении определенных тем¹. Среди моих информантов Антон достаточно открыто обсуждал вопросы сексуальности как в абстрактном, так и в личном плане, что являлось исключением. В отличие от него с Дмитрием я смогла начать более углубленное обсуждение данной темы лишь спустя несколько лет после нашего знакомства.

Важно отметить, что и Антон, и Дмитрий получили травму, в результате чего и стали инвалидами после 20-летнего возраста, то есть будучи взрослыми людьми, начав свою трудовую деятельность со сформированной гендерной идентичностью. Кроме того, они получили повреждения позвоночника как раз в период распада Советского Союза на фоне глубоких политических, социальных и экономических потрясений. Поэтому их истории иллюстрируют пересечение ряда факторов при формировании идентичности, включая инвалидность, маскулинность и сексуальность, а также этничность, возраст и политические, социальные и экономические изменения. Хотя я, конечно же, не утверждаю, что два этих этнографических случая являются репрезентативными для изучения опыта мужской инвалидности на Украине в целом, однако, я считаю, что рассказы Дмитрия и Антона касаются многих важных аспектов того, как мужчины в настоящее время обсуждают свою инвалидность, маскулинность и сексуальность. При анализе данных нарративов я также опиралась на свое знание более широкой динамики обсуждения гендерных идентичностей и процессов инвалидизации на Украине, а также на уже зафиксированный опыт других мужчин (и женщин) с ограниченными возможностями.

---

¹ В 1986 году, на заре перестройки и гласности, во время прямой трансляции советско-американского телемоста почтенная дама из Советского Союза лихо объявила всему миру, что «в Советском Союзе секса нет». Ее «откровение» было быстро подхвачено, и каждый раз приводилось в качестве доказательства крайней табуированности обсуждения вопросов секса и сексуальности в СССР.

Дмитрий

В 1989 году Дмитрию было чуть более двадцати лет, когда он получил травму во время аварии на производстве. В результате удара по спине он получил неполный компрессионный перелом в поясничной области (L1-L5). При описании того, как инвалидность повлияла на ощущение своего «я», Дмитрий однажды сказал: «В юности, когда я еще был здоровым, я боялся инвалидов. Я не знал, кто они или что с ними произошло. Лично я чувствовал себя Дунканом Мак-Клаудом [Горец] – бессмертным». В течение первого года после травмы Дмитрий подвергся интенсивной, но непрофессиональной реабилитационной терапии при участии группы своих друзей, которые по очереди жили с Дмитрием и его пожилой матерью. До травмы Дмитрий служил механиком-водителем танка и снайпером в Советской армии, а затем работал слесарем и сварщиком. После травмы Дмитрий так и не смог получить официальную и постоянную работу, несмотря на самовосприятие в качестве представителя рабочего класса. Помимо заработков от временных работ и халтур, основным источником его доходов оставалась пенсия по инвалидности. На Украине (также как и в России) существует устойчивое представление о том, что «инвалиды» являются бедными и обездоленными, и, таким образом, люди с ограниченными возможностями не могут достичь экономической независимости, являющейся основной предпосылкой постсоциалистического гражданства и утверждения маскулинности¹. Несколько лет ранее Дмитрий стал директором НПО: это должность, которая иногда эквивалентна оплачиваемой работе в других секторах и может открывать разнообразные, в том числе, деловые возможности.

Для Украины типично, как выразился один мой друг, «если врачи говорят, что вы не будете ходить, они думают, что выносят вам смертный приговор». В течение многих лет Дмитрий думал о своей инвалидной коляске как о временной неудаче. В дополнение к интенсивным физическим тренировкам, он также перенес более 20 операций, что в конечном итоге привело к частичной ампутации одной ноги. В случае с Дмитрием мы видим определенный тип медиализированной мужественности [Rosenfeld and Faircloth, 2006], где мобильность («снова пойти») занимает центральное положение для мужчин в «преодолении» травмы и инвалидности. Это лишь один пример медиализации инвалидности в таких постсоциалистических государствах, как Украина, и многих других местах. Другие информанты рассказывали длинные истории о различных курсах реабилитации, которые они проходили в Киеве и других регионах. Лейтмотивы, звучащие в их историях, подтверждают наблюдение Е. Ярской-Смирновой [Ярская-Смирнова, 2002a]

¹ Базовая годовая пенсия по инвалидности для лиц с ограниченными возможностями, которые не в состоянии работать, составляет 3984 украинских гривен (или всего 792 доллара США). Это резко контрастирует с оценками доходов в целом по стране, которые в 2003 году составляли 7329 доллара США для мужчин и 3891 доллара США для женщин [UNDP, 2005. С. 300].

о том, что опыт реабилитации и мобилизационные события часто становятся центральными темами в жизнеописаниях мужчин-инвалидов на территории бывшего СССР. Аналогично тому, что М. Корман [Kohrman, 2005. P. 124] отмечает по поводу Китая, на Украине видимая важность мобильности и мобилизационных событий зависит от пола. Выход в свет (быть мобильным) рассматривается как важный аспект маскулинности, тогда как женщин в большей степени волнуют их видимые недостатки и они отдают предпочтение тому, чтобы оставаться дома в своей «традиционной» обстановке.

Несмотря на то, что на Украине среди правозащитных групп по правам людей с особенными потребностями существует движение за общие цели и доступность, для многих людей-инвалидов – и мужчин в особенности – повседневный локус мобильности (и реабилитации) заключается в индивидуальном теле, что является препятствием для осуществления прав людей с ограниченными возможностями во всем мире. В таких чрезвычайно немобильных обществах, как Россия и Украина, мобилизационные события и общий акцент на индивидуальной мобильности принимает особое значение. Поскольку общественный транспорт является недоступным для инвалидов-колясочников, Дмитрий, например, почти всюду, где он путешествует, должен делать это в своей инвалидной коляске, прибегая к помощи людей на оживленных улицах города. В среднем за день он преодолевает от 20 до 30 км, что может занять до 2,5 часов. Как и большинство зданий на Украине, жилой комплекс, где живет Дмитрий, не приспособлен для инвалидных колясок и, чтобы добраться до своей квартиры, он должен перемещаться по лестнице в своей инвалидной коляске. В условиях отсутствия доступных зданий и помещений, людям с травмой спины предлагается «работать над собой» в рамках программ активной реабилитации (первоначально предложенных шведскими активистами за права инвалидов), и сосредоточиться на своей собственной физической форме и личной мобильности. (В некотором смысле в такой программе отдается предпочтение мужчинам, так как предполагается обсуждение преодоления препятствий, таких как бордюры и ступеньки, что требует физически развитой верхней части тела, и считается, что это не всегда может подходить женщинам). Неизбежно, тем не менее, и то, что такие пользователи инвалидной коляски, как Дмитрий, иногда должны обращаться за помощью к прохожим – ситуация, которая в определенной степени может быть психологически сложной для мужчин в частности.

История Дмитрия о его попытках использовать общественный транспорт – об усилиях, которые иногда он вынужден прикладывать, чтобы попросить помощи у прохожих – часто содержат размышления о мужественности, о том, как он сопоставляет себя с другими мужчинами. Дмитрий жаловался, что мужчины часто тушуются, когда нужно помочь поднять его и его инвалидную коляску в автобус или трамвай, или по крутой лестнице, в то время как женщины и бездомные дети всегда готовы помочь.

В размышлениях Дмитрия по поводу «настоящих мужчин» он открыто подчеркивает важность телесности и физических сил для маскулинности. Действительно, отмечает Е. Ярская-Смирнова, телесность может играть более важную роль в формировании личности для мужчин-инвалидов, чем для других мужчин [Ярская-Смирнова, 2002а. С. 124]. Мое исследование подтверждает ее выводы; я также обнаружила, что на Украине, поддержание оптимальной мобильности и хорошего физического состояния является важной частью самосознания и чувства мужественности для многих мужчин-инвалидов с ограниченными возможностями в передвижении. Одни из первых санкционированных государством мероприятий в бывшем СССР, где инвалиды могли получить признание, касались спорта и экстремальных проявлений физической силы, таких как супермарафоны, в которых участвовали инвалиды-колясочники в 1991 и 1992 годах¹. Спорт является основным направлением в движении за права инвалидов в сегодняшней Украине, и в последние годы значительного прогресса достигло параолимпийское движение под руководством Валерия Сушкевича².

Спорт играет важную роль в жизни Дмитрия, хотя до своей травмы он этим не особо интересовался. В течение последних 15 лет Дмитрий занимался разными видами спорта для колясочников, от легкой атлетики до игры на бильярде и баскетбола. Во время моего первого визита в квартиру Дмитрия (первое официальное интервью) он сразу же начал говорить о спорте и показал мне все медали, которые он выиграл в различных соревнованиях.

Согласно традиционной точке зрения, спорт служит средством восстановления «утраченной» маскулинности для мужчин с ограниченными возможностями с помощью принятия вызовов своему физическому состоянию и развитию своих физических данных. В своем исследовании Е. Ярская-Смирнова обращает внимание на более сложную роль, которую играет спорт в жизни многих инвалидов, особенно мужчин:

Публичная деятельность, чувство принадлежности к команде, коллективу позволяет человеку пересмотреть свою идентичность: быть менее инвалидом и более мужественными, однако мужественность инвалидности в рассматриваемом случае не тождественна доминантным канонам маскулинности. Здесь, скорее, артикулировано не доминирование неувязимой силы, а отличие: «Я – неудобный человек» (из интервью) <...>; здесь личное становится политическим» [Ярская-Смирнова, 2002а. С. 121].

Действительно, в украинском инваспорте зачастую присутствует элемент информационно-пропагандистского и политического протеста, как,

¹ В 1992 году три человека – Юрий Шаповалов и Евгений Колычков из России и Александр Сухан из Украины – осуществили супермарафон из Владивостока до Санкт-Петербурга, преодолев на своих колясках дистанцию в 11 тыс. км.

² Украина заняла третье место в Параолимпийских играх в Турине в 2006 году, уступив России (первое место) и Германии (второе место).

например, на ежегодной демонстрации «Считайте меня равным» в Киеве, где инвалиды-колясочники просвещают широкую общественность в вопросах колясочного спорта и проблем доступности социального пространства и соответствующей инфраструктуры. Как показали личные беседы с такими людьми, как Дмитрий, спорт действительно может иметь глубоко личное значение, а также потенциал обретения мужчинами уверенности в себе после травмы, когда они согласовывают свои новые идентичности «инвалида», а также новые взгляды на маскулинность в отношении своей собственной жизни как мужчин-инвалидов.

До недавнего времени тема инвалидности и сексуальности на Украине и других постсоветских странах была закрытой темой. Одна из моих приятельниц (директор НПО и мать молодого парня, имеющего спинальную травму) сказала: «Похоже, что люди не могут произнести слова "инвалид" и "секс" в одном и том же предложении». Е. Ярская-Смирнова показывает, что сексуальность инвалидов рассматривается в научных и популярных обсуждениях в двух противоречивых направлениях: либо медиализируется, где сексуальность инвалидов неизбежно проблематична, или же экзотизируется (как сверхмаскулинная сексуальность инвалидов). В этих обсуждениях всегда предполагается гетеросексуальность инвалидов, и упоминаний о гомосексуальности или других «альтернативных» сексуальностях не существует [Ярская-Смирнова, 2002b].

В конце первого биографического интервью, которое я провела с Дмитрием в 2002 году, он рассказал мне о встрече с молодой женщиной, Таней, чью реакцию на него он охарактеризовал как «типичную» в своем отказе в маскулинности мужчинам с инвалидностью на Украине. На выходных на даче у друга Дмитрий провел ночь с Таней, которая появилась задумчивой и очень тихой на следующее утро. В тот день группа из десяти молодых людей сидела за столом, они ели и разговаривали, когда Дмитрий, наконец, спросил ее: «Таня, что с тобой случилось? Почему ты такая тихая?» И Дмитрий рассказал мне, что произошло дальше: «Она сказала: "Знаешь, Дмитрий, я не знала, что ты мужчина". Вокруг стола водрузилась могильная тишина, и я помню одного бедного парня, который стоял с шашлыком и открытым ртом...»

Мое исследование показало, что на Украине существует дефицит местного дискурса – или даже местного лексикона – для обсуждения того, что некоторые информанты называют «секс для инвалидов». Это не означает отсутствия интереса, однако. Напротив, одна из лидеров НПО, которая переводила некоторые материалы по инвалидности и сексуальности с английского на русский и украинский языки для их распространения среди общества «спинальников» на Украине, сказала, что эти буклеты для нее являются самыми популярными. Кроме того, один из друзей также заметил, что в санатории для инвалидов, где он проходил лечение несколько лет назад, глава о любви и сексе из книги «Жить в коляске» (автор – российский

правозащитник Лев Индолев [Индолев, 2001]), исчезла из всех копий книги, имеющихся в санатории, – люди просто вырывали заветную главу и увозили ее с собой домой для использования в будущем¹.

Хотя Дмитрий часто шутил при упоминании обо всем, что связано с сексом, лишь спустя три года со времени нашего знакомства он стал говорить открыто о том, что он назвал своими «сексуальными страхами» после травмы. Однажды в кафе, после того как я рассказала Дмитрию о моей борьбе по преодолению застенчивости, связанной с новыми знакомствами, он начал обсуждать свои личные «комплексы»: «Я нормальный парень, я люблю женщин, я люблю веселиться, но у меня какой-то комплекс, не могу сделать следующий шаг с женщиной. Честно говоря, я начал танцевать в целях преодоления этого страха перед женщинами». Для Дмитрия спортивные танцы на колясках были способом борьбы с чувством неадекватности «как человека», которое мешало ему после того, как он был травмирован и стал использовать инвалидное кресло. Танцы дали ему «какие-то эмоции, какие-то страсти, которые выходят за рамки механики самого танца». Он описал танцы как средство взаимодействия с кругом людей, в том числе с теми, кто не имеет инвалидности, и особенно с женщинами, и как способ быть в хорошей физической форме и «поставить себя на сцену» так, чтобы это было демонстративно и, порой, эротично. Он надеется, что, получив уверенность в себе как исполнитель и культивируя новый телесный опыт, который пришел к нему через телесность и эмоции танца, он будет чувствовать себя более комфортно, начиная интимные отношения с женщинами. Таким образом, хотя Дмитрий и пытается иногда использовать и стремиться воплотить преобладающие представления о маскулинности с акцентом на силу, благородство и другие качества, рассматривающиеся как мужественные, через танец он также стремится расширить мужской репертуар, включая туда эмоции, страсть и некий альтернативный ритм жизни, который позволяет ему испытывать наслаждение.

Одним из нежелательных эффектов этого, однако, является то, что образ Дмитрия был присвоен другими; танцуя, он производит необыкновенное впечатление, излучает уверенность, игривость и эмоции. Как уже было описано в других случаях, на Украине инвалидов (и мужчин в особенности) иногда подталкивают к выполнению роли моральных героев, вдохновляя

---

¹ Среди всей информации, которую мне удалось найти, раздел книги Индолева включает наиболее полное объяснение вопросов любви, семьи и секса для тех, кто получил травму спины. Индолев включил выдержки из писем, полученных им от колясочников со всего бывшего СССР, включая Украину. Он дает ценные советы в отношении различных проблем, от вопросов об эrogenных зонах и типах эрекции и оргазма, до вопросов личной гигиены, планирования беременности и борьбы с законодательными препонами, ограничивающими права инвалидов на усыновление или воспитание детей. Мои информанты в особенности ценили откровенность и чувство юмора, с которыми Индолев рассматривал данные проблемы.

модели моральной силы духа. Действительно, людей с ограниченными возможностями хвалят в популярных средствах массовой информации, когда они проявляют такие черты, как решимость, мужество и сила; эти качества рассматриваются как соответствующие «идеальному мужчине», который попал в тяжелые условия [Ярская-Смирнова, 2002а. С. 123]. История Дмитрия была представлена много раз, включая публикации в газетах и вдохновляющих документальных видеосюжетах. Однако время от времени он становится обезличенным героем, так как его фотографии часто встречаются на страницах газет и журналов без каких-либо объяснений или рассказов о Дмитрии. Однажды он увидел фотографию, где были изображены он и его партнерша по танцам, на рекламном плакате НПО, работающей с инвалидами, с которой он никогда не имел никаких контактов.

В таких присвоениях Дмитрий иногда наделяется своего рода гиперсексуальной идентичностью. Одна из знакомых утверждала, что «только Дмитрий мог бы справиться» с тем, чтобы стать звездой в видеопрограмме по сексу для инвалидов, которую она планировала сделать в проекте, в котором, однако, Дмитрий отказался участвовать, в шутку назвав его «порно для инвалидов». Он размышлял: «У меня уже есть что-то вроде дикой репутации – что обо мне скажут люди, если я покажу свой голый зад в том видео?»

Одно из главных сожалений Дмитрия состоит в том, что он вряд ли станет отцом; по его словам, «врачи говорят, что этого не произойдет». Дмитрий был недолго женат на женщине (также колясочнице), которая бросила его ради «здорового» мужчины, с которым она впоследствии завела ребенка. Неудачный брак не был столь сильным ударом для Дмитрия, как тот факт, что он не смог иметь детей со своей женой. Усыновление также не было выходом из положения, поскольку законы на Украине запрещают людям с ограниченными возможностями усыновлять детей. Подобные барьеры для усыновления существуют и в России, и Лев Индолев [Индолев, 2001. С. 130] формулирует аргументацию государства таким образом: «Государство не желает отдавать детей в семьи инвалидов, полагая, что те не смогут их воспитать или – еще хуже того, опасаясь, что станут эксплуатировать ребенка».

Таким образом, людям, подобным Дмитрию, официально отказывается в родителестве – ключевом компоненте маскулинности (и феминности) в культуре. Дмитрий действует как своего рода суррогат «отца молодежи» в НПО, которым он руководит; в прошлом он также был популярным «первым контактным лицом» – человеком, который посещает в больнице новых пациентов, получивших травму спинного мозга, для того чтобы беседовать с ними о возможных позитивных сторонах жизни после травмы.

В настоящее время Дмитрий не состоит в браке, но находится в длительных отношениях с женщиной, имеющей опыт бисексуальности. Несколько других мужчин с повреждением позвоночника, у которых я брала интервью, также отметили, что их сексуальные партнеры и подруги, склонны оказываться женщинами, открытыми для бисексуальных

отношений, «секса втроем», «творческих позиций» и инновационных способов получения и предоставления сексуального удовольствия, каждый из которых идет вразрез с преобладающей гетеросексуальностью, которая характеризует украинское общество. История Антона, о которой пойдет речь дальше, показывает, как конструкции преобладающей маскулинности – в которых подчеркивается мужская сексуальная (гипер)потенция и их ответственность за принятие активной роли в сексе, и принимает форму эксклюзивной гетеросексуальности – стали извращаться в контексте жизни мужчин-инвалидов.

Хотя Дмитрий и опирается на элементы преобладающей маскулинности в его понимании того, что значит быть «настоящим мужчиной», он также стремится найти пути культивирования нового вида мужской идентичности для себя, например, посредством танца и наставничества. Для него это не плавный процесс, и ему не совсем комфортно обсуждать вопросы маскулинности и сексуальности (по крайней мере, не с этой иностранной женщиной-исследователем). Он часто переводит серьезный разговор в шутку, и он часто ссылается на «нелепости и парадоксы жизни» как способ повернуть разговор в сторону, более удобную для него. История Дмитрия является отражением многочисленных и противоречивых способов, с помощью которых мужчин-инвалидов позиционируют в популярном дискурсе (бесполое, герои, гиперсексуальные) и диапазоне возможных реакций продуцируемых лицами в конкретных ситуациях. В случае Дмитрия такие реакции включают одновременно предлагаемые стратегии возвращения «потерянной» мужественности с помощью поддержания определенной культуры тела (интенсивная физическая подготовка, спорт, стремление «снова пойти»), но также изучения альтернативных физических показателей и видений маскулинности через нетрадиционные (для Украины) виды спорта, такие как спортивные танцы на колясках.

Антон

История Антона является иллюстрацией того, как гендер, этническая и политическая идентичности пересекаются друг с другом и наполняют индивидуальный опыт инвалидности и идентичности инвалида. Как и Дмитрий, Антон получил травму в 1989 году. Антону было двадцать девять лет, когда ему прострелили живот и спину при весьма героических обстоятельствах, – на темных улицах Киева он пытался защитить своего лучшего друга от вооруженных преступников (позже выяснилось, что это были пьяные офицеры милиции). Официальный диагноз Антона – «огнестрельное ранение нервных окончаний»; он ходит (и бегаёт) с костылями. Антон говорит, что когда люди узнают, что его подстрелили, «они думают, что я ветеран Афганской войны, милиционер или бандит». В молодости до поступления в университет, перед тем, как стать инженером, Антон служил в армии. Теперь у Антона нет постоянной работы, но он получает пенсию по инвалид-

ности и сдает в аренду свою вторую квартиру, которую унаследовал от родителей; доход от этого позволяет ему комфортно жить в одиночку.

У семьи Антона – немецкие корни, и его бабушка и дедушка, как и многие другие немцы, пострадали во время сталинских репрессий, особенно во время Второй мировой войны. Этничность Антона (которую он определяет как русско-немецкую) и его семейная история играют важную роль в его самоидентификации. Он никогда не поддерживал советскую власть, и он продолжает связывать политику инвалидизации и идентичность инвалидности с подозрительной (для него) сферой «официального». Он старается избегать властных структур и институтов, а также дистанцируется от сообщества инвалидов. Антон как-то рассказал мне, как он приветствует по телефону своего друга, который работает с международными правозащитными организациями для людей с ограниченными возможностями. Обычно он говорит: «Как там *"disabled people"*?». Использование Антоном английской фразы «disabled people» (в других обстоятельствах он английским не пользуется) указывает на определенную самоотчужденность от «группы», а также свидетельствует о его признании того, что «disabled people» является овеществленной категорией, которая в реальности может существовать, а может – нет, но часто становится мишенью для различных интервенций.

Антон был одним из немногих опрошенных мною людей с травмой спинного мозга на Украине, кто довольно четко поддерживал утверждающий нарратив инвалидности [Swain and French, 2000]. О своей травме он не раз отзывался, как о «самом лучшем, что случилось со мной», и говорил, что не вернулся бы назад, чтобы изменить ход событий, если бы представилась такая возможность. В ходе бесед и случайных разговоров Антон часто противопоставлял свой образ жизни до травмы тому, который он вел теперь, и приходил к выводу о том, что он значительно «здоровее», чем был до травмы. Фактически он считает, что опыт инвалидности во многом «спас» его. Перед травмой, согласно Антону, он пил и курил, был «бабником» и «одержим только одной вещью – сексом». Его травма и последующая инвалидность, по его словам, заставили его изменить свои приоритеты, и Антон считает, что в результате он «стал лучше».

Сегодня Антон практикует строгую персональную программу психического и физического воспитания, он разработал специальную философию жизни, основанную на трудах известного советского спортсмена Юрия Власова [Власов, 1990]¹. В своей статье, опубликованной в 1990 году под названием «Стечение сложных обстоятельств», которая первоначально была написана в 1970-е годы, Власов подробно описал свое собственное восхождение

---

¹ Гилмур и Клементс отмечают [Gilmour, Clements, 2002. P. 212–215], что Власов был одной из ключевых фигур, с помощью которой советский режим распространял среди советских граждан идеи о развитии «культурной маскулинности» посредством спорта в 1950–1960-е годы.

к спортивной славе в Советском Союзе, а также последующее десятилетие долгой болезни и утраты былого уважения. Антон часто перечитывает эти двадцать страниц статьи, называя ее «моя Библия». Некоторые ментальные практики, продвигаемые Власовым, каждая из которых составляет то, что Власов называет «целительной силой преодоления», включают позитивное мышление и веру в себя, контроль мысли и эмоций, мечты, постоянную физическую активность и все более и более сложные физические упражнения.

Персональная программа Антона, построенная на основе идей Власова, включает в себя режим «рано встал – рано лег»; каждодневные упражнения, состоящие из медитации, растяжек, силовых тренировок, бега до семи километров в день, а также воздержания от алкоголя и курения. Этот режим иногда прерывается хронической болью в ногах, проблемой, которая не дает ему спать по ночам, а иногда и поглощает все его мысли. Он пытается контролировать боль с помощью ментальных практик, однако два года назад все-таки стал использовать обезболивающие. Несмотря на борьбу с постоянной болью, в интервью и беседах Антон производит впечатление полного самоконтроля, он излучает самодисциплину, что, как он сам говорит, необходимо для поддержания наилучшей физической формы.

Антон понимает, что самостоятельная жизнь и скромные материальные потребности являются роскошью, которая позволяет ему строго следовать своей жизненной философии и физической подготовке. Другие мужчины, с которыми я говорила, отмечали, что для того, чтобы выполнять такие программы общего психического и физического воспитания, необходимо быть «разумным эгоистом», однако обязанности перед семьей и работой часто мешают другим людям с ограниченными возможностями вести образ жизни, присущий Антону. Антон отметил, что, поскольку он так много упражняется и проявляет большую заботу о своем здоровье, другие мужчины с травмой позвоночника называют его «испуганным инвалидом»; они полагают, что он не признает очевидного факта инвалидности. Сам же Антон считает, что он должен сохранить этот строгий режим «поддержания своей физической функции» и, в особенности, сохранить уровень мобильности, которого он достиг, чтобы избежать «сидения» в инвалидном кресле.

Антон не столько стигматизирует колясочников, сколько утверждает, что в такой перегруженной препятствиями окружающей среде, какую мы находим на Украине, используя костыли, он гораздо более мобилен, нежели при использовании инвалидного кресла, с одной стороны. С другой стороны, Антон критикует тех, кто не «работает над собой», как это делает он, имея в виду нескольких мужчин, которые, по его мнению, могли бы работать усерднее, чтобы не «сидеть» в инвалидной коляске после травмы позвоночника. Его биографический нарратив иногда приближаются к тому, что Смит и Спаркес [Smith and Sparkes, 2004. P. 621] называют «квест-нарратив». Вместо того чтобы отрицать страдание, квест-нарратив признает и *использует* страдания, помогая мужчинам «бороться с ним напрямую».

Однако, в отличие от информантов Смита и Спаркса в Великобритании, Антон не использовал метафор «путешествия» в квест-нарративе; он также не говорил в терминах «прогресса» или движения к определенному пункту назначения или цели (такой как «восстановление»). Может быть, это потому, что я брала интервью у Антона спустя 16 лет после травмы, теперь он казался вполне удовлетворенным своей жизнью и «тем, где он сейчас находится» (за исключением своей борьбы с постоянной болью). Он в шутку заметил, что то, что он стал «инвалидом» в возрасте 29 лет, позволило ему «раньше уйти на пенсию, как я всегда и мечтал» и предаться своей «настоящей страсти в жизни» – яхтенному спорту.

Определив себя заядлым яхтсменом, Антон проводит все свободное время весной, летом и ранней осенью на своей яхте в Киевском водохранилище. Примечательно то, что парусный спорт является одним из тех способов, с помощью которых Антон отделяется (и отделяет себя) от сообщества людей с ограниченными возможностями в Киеве – парусный спорт рассматривается как роскошный вид спорта для всех и, в особенности, для людей с ограниченными возможностями, которые часто воспринимаются (иногда обоснованно), как «нуждающиеся». Хотя Антон пытался продвигать яхтинг среди людей с ограниченными возможностями, он говорит, что немногие проявляют больший интерес к этому виду спорта.

Антон признается, что, в отличие от Дмитрия, он сознательно отделяет себя от других инвалидов; говорит, что у него больше общего с теми, кто не имеет инвалидности. Этот отрыв от идентичности инвалида является частью философии независимости Антона; он видит многих других людей с особыми потребностями, считает их зависимыми от государства и довольствия, получаемой от НПО. Ему также не нравится культура сообщества людей с особыми потребностями, которую он характеризует (ошибочно, судя по моему опыту) как «выпивающих и жалующихся». Хотя Антон и получает пенсию по инвалидности, он обычно отказывается от других преимуществ, таких как бесплатное медицинское обслуживание и оздоровительные поездки в санатории¹. Объясняя это, Антон подчеркивает, что он самостоятельный, обеспеченный человек, не нуждающийся ни в чьей помощи. Таким образом, он преследует идеалы индивидуализма, инициативности и самостоятельности, которые являются очень значимыми критериями того, что называется быть «настоящим мужчиной» в современной Украине, особенно в текущий период перехода к рыночной экономике и неолиберализму. Подобно тому, что обнаружила Е. Ярская-Смирнова среди опрошенных в России мужчин, Антон тоже строит свою мужественность

¹ На Украине по-прежнему (хотя в большей степени – теоретически) существует система бесплатного медицинского обслуживания, и лица, имеющие официальный статус «инвалид», могут получить некоторые дополнительные медицинские льготы. Хотя Антон мог получить бесплатную медицинскую помощь в местной клинике, он предпочитал искать специалистов, которым можно доверять, и за услуги которых он был готов и мог заплатить.

вокруг «сопротивления власти обстоятельств и институтов, избавления от зависимости» [Ярская-Смирнова, 2002а. С. 125].

Философия независимости и преодоления заняла центральное место в стратегии определения маскулинности у Антона после того, как он стал инвалидом (в своей копии статьи Власова большими буквами в верхней части одной из страниц он пишет: «Целительная сила преодоления!»). Нарратив преодоления стал распространенным в дискурсе об инвалидности на Украине. Так, например, одно еженедельное получасовое шоу, посвященное вопросам инвалидности и социальной реабилитации, показанное на украинском телевидении в конце 1990-х годов, называлось «Подолання» («Преодоление»). Аналогичная программа была названа «Вихід» (Выход), которая в украинском контексте недоступности, стигматизации и общественного молчания в отношении вопросов инвалидности предполагала аналогичные процессы «преодоления» или «приближения к нему».

Дискурс преодоления, который Антон считает значимым для него лично, находится в несоответствии с некоторыми перспективами движений за права людей с особыми потребностями в мире. Подход к инвалидности с точки зрения прав человека подчеркивает те ловушки, которые метафоризируются комплексом «преодоления» – инвалидность и инвалиды автоматически позиционируются в отрицательных, уязвимых понятиях, а инвалидность формулируется как барьер, а не значимая компонента идентичности, потенциально положительный признак. Но прежде чем отмахнуться от нее, как от устаревшей и наивной конструкции, важно рассмотреть социальные и политические условия, в которых преодоление стало основным нарративом на Украине. Преодоление, которое подчеркивает индивидуальную инициативу и индивидуальное стремление, кажется естественным продуктом перехода к рыночной экономике и демонтажа социалистического государства и системы социального обеспечения. В этом контексте исторический акцент на социальной солидарности и доверии граждан государству быстро сменяется идеалами индивидуализма, персонализации, приватизации и независимости. Преодоление является привлекательным для таких людей, как Антон, поскольку оно направляет человека и его потенциал для действий в общество, где люди с ограниченными возможностями были лишены поддержки, независимости и даже индивидуальности.

Приверженность определенной культуре тела является еще одним ключевым компонентом того, как Антон культивирует свою мужественность. Антон гордится развитым телосложением своего торса, и на фотографиях в газете и в телевизионных программах о нем его, как правило, изображают во время тренировки на тренажерах, часто обнаженным до пояса. В то же время Антон не выглядит так, как будто бы его смущал или беспокоил факт его атрофированных ног. В качестве фона для своего рабочего стола на компьютере Антон выбрал фотографию, сделанную репортером, на которой он сидит на своей яхте в шортах и без рубашки. Хотя лицо

Антон и его загорелая и мускулистая грудь и руки преобладают на фотографии, все же на переднем плане фотографии также заметна его одна нога и прислоненные рядом костыли. Складывается впечатление, что Антон предпочитает, чтобы его «лучшая половина» не становилась заложницей «сокрытия» других частей его тела. Я думаю, фото показывает, насколько Антон кажется непринужденным в отношении своих телесных различий и вполне в согласии со своей инвалидностью. Таким образом, хотя Антон и придерживается некоторых телесных стандартов преобладающей маскулинности на Украине, а именно, силы и атлетического телосложения, но он говорит о своей физической подготовке больше с точки зрения поддержания личного здоровья и подвижности, чем с точки зрения жизни, согласующейся с общественным стандартам «настоящего мужчины».

Однако было время, сразу после травмы, когда Антону было не очень комфортно со своим «новым» телом, особенно при интимной связи с женщинами. Он отзывался о сексе как о «самом больном месте любого спинальника», и как-то сказал: «Для любого мужчины утратить потенцию – очень разрушительно, а у каждого спинальника – это первое, что вылетает». Во время нескольких наших бесед Антон рассказал мне подробно, как в течение нескольких лет он восстановил себя в качестве «сексуального существа».

Начало этой истории было связано с его бывшей женой, Зиной. Антон был уже дважды разведен к моменту травмы, и он порвал со своей девушкой, с которой они долго встречались, Зиной, за несколько месяцев до несчастного случая. Когда он проснулся в больнице, он увидел рядом с собой Зину; Антон часто описывает, как она полюбила «роль медсестры, спасителя и матери», когда он стал желанным объектом для ее «женского долга» после травмы. Хотя Антон и Зина вскоре после его травмы поженились, они развелись через пару лет, наверное, подозревает Антон, потому, что он более не является таким «необходимым» ей, каким был сразу же после травмы. Однако он также сказал, что их отношения до травмы были основаны «ни на чем большем, кроме секса и оргазма, неадекватной основе для любого брака».

В течение нескольких последующих бесед Антон рассказал мне о своих исследованиях сексуальности после травмы позвоночника. В ранний период после травмы, сказал Антон, он был не в состоянии сексуально удовлетворить Зину. После того как он понял, что, несмотря на то, что он не чувствует свой пенис, у него, на самом деле, может быть эрекция, он начал (с Зиной, «которая знала меня досконально», как он выразился) разрабатывать способы возбуждения с партнером. Это предполагает принятие определенных позиций, использование зеркал и придание сексу более эмоциональной основы, чем ранее: «Теперь мне нужно видеть чьи-нибудь глаза, чтобы возбудиться». Сегодня, даже когда Антон сконцентрировал большую часть своей энергии в другом месте, сексуальность продолжает играть центральную роль в его повседневной жизни и в его восприятии маскулинности. У него частые сек-

суальные связи, и он постоянно повторяет, что «более опытных и знающих женщин в действительности это привлекает, когда они узнают, что у человека проблемы в этой области. Давайте не будем забывать, что секс это нечто большее, чем наличие или отсутствие эрекции».

Иногда Антон делает себе инъекции для достижения эрекции с женщинами, которые «не подозревают, что у меня какие-то проблемы», но чаще всего он стремится изучить более значимую и творческую сексуальность, чем ту, которой он наслаждался ранее, и развивать то, что он называет «эмоциональными и более предприимчивыми аспектами секса». Для Антона это означало отрицание преобладающего идеала мужчины как «сексуального животного», которое должно занимать активную позицию; наоборот, он отмечает, что многие из женщин, которые интересуются им, являются «эксгибиционистками» (его термин) в поиске более необычного, расширяющего возможности, творческого сексуального опыта. Как и Дмитрий, Антон обозначил, что у него были частые сексуальные взаимодействия с женщинами, имеющими опыт бисексуальности, и которые, вследствие этого, переступили через доминирующие сексуальные нормы на Украине. Таким образом, хотя для Антона сексуальность является важной частью его мужской идентичности, он культивирует тип сексуальности, основанный не столько на стандартах маскулинности и силы, сколько на чувствительности к своим партнерам и определенном нарушении общепринятых сексуальных норм.

Есть и другие способы, с помощью которых Антон идет вразрез с преобладающей маскулинностью, и это породило определенные дилеммы для него. Несколько лет назад он заботился о своей умирающей матери, выполняя роль «ухаживающего за кем-то человека», которая традиционно приписывается женщине; сейчас он живет один, сам содержит дом и готовит самостоятельно. Антон однажды сказал мне: «Женщины не принимают меня всерьез. Они рассматривают меня в качестве дополнения мужчине, который уже есть у них в жизни... Они рассказывают мне все личные подробности, которые не рассказали бы даже своим лучшим подругам... По большому счету я не возражаю, мне на самом деле даже интересно, но иногда, конечно, это меня злит». Позиционируясь как «социальная женщина», Антон получает больше сочувствия и более высокий уровень полного доверия и интимности, чем большинство мужчин [Kaufman, 1994. P. 150].

Однако статус Антона как мужчины, заинтересованного в сексуальных отношениях, усложняет роль «социальной женщины», которая ему присваивается женщинами. Он описывал, как в отношениях с женщинами он «играет разные роли»: как (сексуального) мужчины и как (социальной) женщины. Антон отметил, что многие из его серьезных отношений были с замужними женщинами, которые стремились получить от него то, чего им не достает: иногда это – интересный секс, а иногда это – слушатель, который выслушает с симпатией. С одной стороны, Антон говорит, что он более или менее удовлетворен ролью, которую ожидают от него женщины,

но он также хотел, чтобы женщины могли видеть в нем и «настоящего мужчину» вместо «всего лишь дополнения».

Антон также признает, что «фактор жалости» не позволяет ему занимать равные позиции со своими интимными партнерами. На Украине жалость и инфантилизация являются общими аспектами распространенного восприятия инвалидности. Мужчины с особыми потребностями, в частности, воспринимаются как беспомощные и психологически уязвимые, и они, как предполагается, имеют сильную потребность в заботе самоотверженной женщины. В воспоминаниях о своем браке с Зиной и ее заботе и защите после его травмы, Антон отметил, что «жалость занимала важное место в наших отношениях». Кроме того, он добавил: «На самом деле, после моей травмы все мои отношения были основаны на жалости. . . Каждая женщина, которая проявляла интерес ко мне, ожидала, что я буду признателен ей с щенячьей радостью». Антон сказал, что женщины в его жизни думают, что они оказывают ему услугу, «предположительно потому, что я беспомощен и не заслуживаю их». Он сказал, что он никогда не привыкнет к такому отношению, и он очень неохотно принимает эту роль «благодарного иждивенца» или «объекта благотворительности».

В этой ситуации Антон, как и ряд других людей с повреждением позвоночника, с которыми я беседовала, не был в состоянии иметь такую семейную жизнь, которую он хотел бы. Как и Дмитрий, Антон хотел стать отцом, и говорит, что его медицинские тесты «показывают, что это возможно», однако он сомневается, что это произойдет, так как ему не удалось поддерживать длительные отношения с женщинами. По словам Антона, он привык к насыщенным, хотя и временным отношениям с женщинами, и он научился не планировать будущее со своими подругами.

В целом, осмысление Антоном мужественности и маскулинности после травмы позвоночника поставили перед ним важный вопрос о независимости¹. Настаивая на своей независимости – особенно физической и финансовой – от кого бы то ни было и от государства, Антон одновременно и утверждает свою мужественность в соответствии с преобладающими конструкциями, и делает политическое заявление, отказываясь от структур власти, которые регулируют инвалидность в постсоветской Украине.

¹ «Независимая жизнь» является концепцией, которая приобретает все большее значение в дискурсе о правах инвалидов и на Украине понимается людьми с ограниченными возможностями чаще в плане экономической самостоятельности, нежели физической независимости или отсутствия опоры на семью и друзей. В ходе опроса, который я провела среди 85 инвалидов-колясочников, 26 респондентов заявили, что для них «независимая жизнь» означает, прежде всего, финансовую независимость от других и от государства. Только пять респондентов, давших такой ответ, были женщины; это свидетельствует о том, что мужчины с ограниченными возможностями на Украине чувствуют большую, чем женщины, потребность (или большее давление) в установлении экономической независимости, даже в условиях политического и социально-экономического контекста, который обычно не позволяет им этого сделать.

Однако сильное убеждение других – особенно женщин, с которыми у него возникают интимные связи, – что его нужно жалеть, и он должен быть «благодарен за внимание», частично разрушает его личность как независимого «настоящего мужчины». Антону остается воплощать свои интересы (такие как парусный спорт и физические упражнения) самостоятельно и смотреть, как женщины приходят в его жизнь и уходят из нее, как сам он назвал, через «мою вращающуюся дверь».

* * *

Изложенные здесь кейс-стади, наряду с анализом популярных представлений о мужчинах и инвалидности, раскрывают сложную картину того, как люди с ограниченными возможностями (и, в частности, с травмой позвоночника) в постсоциалистических и новых капиталистических обществах «находят счастье, удовлетворение и чувство собственного достоинства в культуре, которая, по сути, отказала им в праве на свою собственную идентичность, включая свою собственную маскулинность» [Gershick and Miller, 1997. P. 457]. С одной стороны, осмысление и реализация маскулинности Антоном и Дмитрием включает в себя культивирование определенного типа гипермаскулинности, основанной на представлениях и практиках гегемонной маскулинности; если использовать терминологию Гершика и Миллера [Gershick and Miller, 1997], то они используют стратегии «доверия» нормам гегемонной маскулинности. В бытующих на Украине представлениях такие занятия, например, как спорт, упорные физические тренировки или «фиксация» на определенном хобби или виде деятельности, часто понимаются в терминах «компенсации», то есть как стремление преуспеть в какой-либо другой сфере для того, чтобы заполнить существующий недостаток. Этнографические интервью с мужчинами, получившими травму спинного мозга, обнаруживают то, что важной частью истории этих мужчин также являются стратегии «переформулирования» [Ibid.] личных критериев маскулинности. Как отмечают Гершик и Миллер [Gershick and Miller, 1997. P. 457], «гендерные практики некоторых мужчин демонстрируют альтернативные видения маскулинности, которые малоизвестны, но доступны для мужчин в [данной] культуре». Не нужно забывать, что такие люди, как Дмитрий и Антон, расширяют мужской репертуар [Shuttleworth, 2004] не только для себя лично, но и для других в украинском обществе. В условиях, когда социальные нормы, регулирующие тело, гендер и сексуальность, исторически были иерархичны, патриархальны и крайне консервативны – по крайней мере, на официальном уровне, – отношения этих людей с гегемонной маскулинностью, а иногда и сопротивление ей, становятся для окружающих примером потенциального расширения прав и возможностей, подрыва или преодоления преобладающих гендерных норм, норм маскулинности, феминности и сексуальности.

Кроме того, анализ нарративов мужчин с опытом инвалидности, обсуждение советской и постсоветской культуры тела и индивидуальных экспери-

ментов по утверждению новой гендерной идентичности в условиях украинской гегемонной маскулинности позволяет деконструировать и критиковать медицинскую / функциональную / трагическую модель инвалидности, которая продолжает доминировать в таких постсоветских государствах, как Украина и Россия [Ярская-Смирнова, 2002а. С. 107]. Социальная модель инвалидности стала достаточно влиятельной в работе активистов украинских правозащитных организаций для инвалидов; существуют признаки того, что законодательство, регулирующее инвалидность, продвигается в направлении социальной модели, расширяющей права и возможности; в настоящее время оно нацелено на преодоление источников дискриминации, таких как неравный доступ к образованию и труду [Полозюк, 2005]. Однако здесь имеется и некоторое напряжение: именно тогда, когда социальная модель инвалидности (определяющая инвалидность как социальное угнетение, вытекающее из политических, социальных и экономических условий [Gignasa and Cottb, 1998]) в настоящее время включена в украинское движение за права инвалидов, процессы приватизации, индивидуализации и «дифференциации» также получают большой импульс в контексте неолиберальной экономической реформы и реконструкции социальных программ. (Социальная модель, которая минимизирует роль тела как местонахождения нарушений, и способствует демедикализации инвалидности, также является проблематичной в связи с кризисной ситуацией в системе украинского здравоохранения и острой нехваткой адекватной медицинской помощи для лиц с травмой спинного мозга [Phillips, 2007].) Пока не ясно, что покажут результаты слияния этих дискурсов – один из которых подчеркивает социальный гнет и структурное насилие, а другой – привилегии индивидуализации и приватизации для лиц с ограниченными возможностями с точки зрения социальных программ, стратегий расширения прав и трансформаций в личной и социальной идентичности. Поскольку эти процессы разворачиваются, они, вероятно, оказывают влияние не только на то, как инвалидность воспринимается как индивидуальное, социальное и политическое явление, но и на дальнейшее реформирование и расширение репертуара маскулинности среди людей с ограниченными возможностями на Украине. Это становится особенно важным в связи с расширением возможностей для предпринимательства и экономической независимости.

Материал, изложенный здесь, показывает огромный потенциал этнографического подхода, позволяющего нам более полно ответить на простой вопрос Антона «Как там *"disabled people"*?», а опыт Дмитрия показывает, что маскулинность и сексуальность на Украине является сложным феноменом, который обсуждается, пересматривается изо дня в день в различных социальных, политических и межличностных контекстах. Их истории также открывают новые перспективы изучения опыта мужчин, получивших травмы спинного мозга, и диапазон возможных реакций людей с ограниченными возможностями на меняющийся политический, экономический и социальный

климат. Хотя оба подчеркивают дискриминацию и трудности, связанные со стигмой «инвалидности» и соответствующим отношением к таким людям в постсоветском украинском обществе, их истории также включают элементы «жизнеутверждающей» модели инвалидности. Это очень важно в постсоветских условиях, когда общественное мнение в отношении инвалидов по-прежнему очень отрицательно, а инвалидность как таковая в качестве предмета научного интереса является чем-то совершенно новым. Наиболее важно, что истории этих людей показывают креативные способы, с помощью которых постсоветские люди с ограниченными возможностями расширяют репертуары маскулинности, делая ценный вклад в небольшой, но растущий корпус литературы о гендере, маскулинности и инвалидности.

Список литературы

Власов Ю. Стечение сложных обстоятельств // Искусство быть здоровым / под ред. С. Б. Шенкман. М.: Физкультура и спорт, 1990.

Полозюк О. Проблеми соціально-правового захисту інвалідів спинальних. Доклад, представлений на VI Конгресі Міжнародної Асоціації Українських Исследований. Донецьк, Україна. 29 июня – 1 июля 2005.

Полозюк О. Юридична консультація: Що означає «інвалід» та які органи встановлюють «інвалідність»? // Соціальне партнерство. 2004. Т. 1. № 1. С. 21.

Сидоренко О. Київ: громадські організації та благодійні фонди. Довідник. Київ: Центр інновацій та розвитку, 2001.

Ярская-Смирнова Е. Мужество инвалидности // О муже(N)ственности / под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение, 2002 а. С. 106–125.

Ярская-Смирнова Е. Стигма инвалидной сексуальности // В поисках сексуальности / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002б. С. 223–244.

Brownell S. Training the Body for China: Sports in the Moral Order of the People's Republic. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Gerschick T. Toward a Theory of Disability and Gender // Signs. 2000. Vol. 25. № 4. P. 1263–1268.

Gerschick T., Miller A. Gender Identities at the Crossroads of Masculinity and Physical Disability // Toward a New Psychology of Gender: A Reader / ed. M. M. Gergen and S. N. Davis. N. Y. and L.: Routledge, 1997. P. 455–475.

Gignaca M., Cottb C. A Conceptual Model of Independence and Dependence for Adults with Chronic Physical Illness and Disability // Social Science and Medicine. 1998. Vol. 47. № 6. P. 739–753.

Gilmour J., Clements B. "If You Want to Be Like Me, Train!": The Contradictions of Soviet Masculinity // Russian Masculinities in History and Culture / ed. B. E. Clements, R. Friedman, and D. Healey. Houndmills: Palgrave, 2002. P. 210–222.

Hrycak A. Coping with Chaos: Gender and Politics in a Fragmented State // Problems of Post-Communism. 2005. Vol. 52. № 5. P. 69–81.

- Iarskaia-Smirnova E.* Social Change and Self-Empowerment: Stories of Disabled People in Russia // *Disability and the Life Course: Global Perspectives* / ed. M. Priestley. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 101–112.
- Kaufman M.* Men, Feminism, and Men's Contradictory Experiences of Power // *Theorizing Masculinities* / eds H. Brod and M. Kaufman. Thousand Oaks: Sage, 1994. P. 142–163
- Kohrman M.* Bodies of Difference: Experiences of Disability and Institutional Advocacy in the Making of Modern China. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2005.
- Pavlychko S.* Feminism in Post-Communist Ukrainian Society // *Women in Russia and Ukraine* / ed. R. Marsh. N. Y.: Cambridge University Press, 1996. P. 305–314.
- Phillips S.* "Survivor" in Ukraine: Living Disability in a Post-Soviet State // Paper presented at the conference "Challenges, Choices, and Context: Health Behaviors in Eastern Europe and Eurasia." March 23-24, 2007, University of Texas-Austin // http://www.utexas.edu/cola/centers/creees/content/conferences/health_behaviors/papers/p_hillips.pdf
- Phillips S.* Women's Social Activism in the New Ukraine: Democracy, Development, and the Politics of Differentiation. Bloomington: Indiana University Press, 2008.
- Rosenfeld D., Faircloth C.* (eds). *Medicalized Masculinities*. Philadelphia: Temple University Press, 2006.
- Rubchak M.* Christian Virgin or Pagan Goddess: Feminism versus the Eternally Feminine in Ukraine // *Women in Russia and Ukraine* / ed. R. Marsh. N. Y.: Cambridge University Press, 1996. P. 315–330.
- Shuttleworth R.* Disabled Masculinity: Expanding the Masculine Repertoire // *Gendering Disability* / ed. B. G. Smith and B. Hutchinson. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2004. P. 166–178.
- Smith B., Sparkes A.* Men, Sport, and Spinal Cord Injury: An Analysis of Metaphors and Narrative Types // *Disability and Society*. 2004. Vol. 19. № 6. P. 613–626.
- Spark A., Smith B.* Sport, Spinal Cord Injury, Embodied Masculinities, and the Dilemmas of Narrative Identity // *Men and Masculinities*. 2002. Vol. 4. № 4. P. 258–285.
- Spark A., Smith B.* Disrupted Selves and Narrative Reconstructions // *Talking Bodies: Narratives of the Body and Sport* / eds. A. C. Sparkes and M. Silvennoinen. Jyväskylä: SoPhi, University of Jyväskylä, 1999. P. 76–92.
- Swain J., French S.* Towards an Affirmation Model of Disability // *Disability and Society*. 2000. Vol. 15. № 4. P. 569–582.
- UNDP.* Human Development Report 2005 // URL: <http://hdr.undp.org/reports>.

(Пер. с англ. О. А. Филипповой и В. С. Юрасова)

Сара Филлипс

PhD, профессор факультета антропологии Университета Индианы
в Блумингтоне (США)

электронная почта: sadphill@indiana.edu